

Конфликтотенный потенциал социальной коммуникации в цифровую эпоху

М. О. Орлов

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Для цитирования: Орлов М. О. Конфликтотенный потенциал социальной коммуникации в цифровую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 485–496. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.308>

Статья посвящена теме трансформации культуры коммуникации в информационном пространстве. Современные достижения в области информационных технологий все больше перемещают процесс коммуникации в информационное пространство, что закономерно накладывает отпечаток на ее характер. В настоящей статье автор предпринимает попытку проанализировать особенности коммуникации в цифровом пространстве, выявить конфликтотенный потенциал общения в Интернете, описать культуру коммуникации в сети и предложить решения, которые помогут снизить конфликтотенность интернет-коммуникации в целом, а также способствовать разрешению возникающих конфликтов в сети. В исследовании установлено, что цифровое общество — это результат не только технологического прогресса, но и меняющегося опыта человечества. Предметом социально-философского анализа становится онлайн-коммуникация, которая выступает основанием для формирования сложных структур цифрового общества. Осваивая компьютерные технологии и коммуникативные возможности, человек становится субъектом цифрового общества. Цифровая эпоха характеризуется многомерностью связей и амбивалентностью отношений: с одной стороны, перед человеком раскрываются коммуникативные свободы, с другой — возникают новые формы зависимости, риски и конфликты. Обозначены факторы, которые радикально меняют качество коммуникации в сети и повышают уровень ее конфликтотенности. Выявлено, что благодаря виртуальной реальности человек обретает новые идентичности, характеристики и параметры личностного бытия. Установлено, что социальные сети порождают новые формы коммуникативных практик. Рассмотрено становление цифровой этики, сформулированы базовые правила коммуникации в сети Интернет. Определены перспективы философской рефлексии в условиях новых технологических возможностей человечества. Исследование сфокусировано на возникновении новых образовательных стратегий и переосмыслении научного процесса в эпоху цифровых коммуникаций.

Ключевые слова: интернет, цифровая эпоха, социальные сети, коммуникация, онлайн, оффлайн.

Тема анализа глобальных изменений, вызванных развитием цифровых технологий, сама по себе не нова. Тем не менее, учитывая многоаспектность и постоянную динамику развития коммуникации в цифровую эпоху, многосторонние исследования в этой области, безусловно, необходимы. Интернет-пространство

является не просто особой коммуникативной средой, но и закономерной частью жизненного пространства современного человека. Именно поэтому если еще в конце 1990-х — начале 2000-х годов цифровая коммуникация не воспринималась всерьез, ассоциируясь главным образом с хобби и развлечениями, то на сегодняшний момент она плотно вошла в нашу повседневную жизнь, и без информационных технологий уже сложно представить себе эффективную работу, образовательный процесс, социальную жизнь. Таким образом, трансформация процесса коммуникации в цифровой среде закономерно ведет к определенным изменениям и в офлайн-реальности (сфере социокультурных взаимоотношений физического мира), заставляет пересмотреть привычные взгляды на коммуникацию, социальную стратификацию, критерии истинности, образование и многие другие аспекты социальной реальности.

В силу вышеуказанных причин конфликтогенность информационного пространства становится более ощутима в качестве рискообразующего фактора. Социальный сегмент интернет-пространства с самого своего появления обладал достаточно мощным конфликтогенным потенциалом, мысля себя как совокупность сообществ по интересам. Общий дух социальных коммуникаций в Интернете в первые годы развития социальных сетей можно обозначить формулой: «Те, кто разделены географией, да будут объединены идеей» [1, с. 34]. Основное коммуникативное пространство тематических блогов, форумов и имиджбордов мыслилось не как пространство для всеобщей коммуникации в рамках традиционной морали, а как сфера общения для субъектов, объединенных частными интересами и ценностями. Да и сама специфика первых субъектов цифровой среды сформировала особое отношение к Интернету как месту всеобщей свободы и дозволенности. В силу этих причин изначально стиль коммуникации сложился таким образом, что не предполагал следования классической культуре общения, напротив, аксиологической дискурсивной установкой являются яркое выражение своей позиции в наиболее острой форме и рассмотрение всех участников коммуникации как равных и свободных.

К 2000 г. развитие социальных сетей и массовое увеличение количества пользователей Интернета сгладило обозначенные особенности цифровой коммуникации. Однако специфика цифровой коммуникации оказалась настолько выраженной, что породила противостояние коммуникации онлайн и офлайн. Впрочем, исследователей здесь подстерегает и другая проблема — риск развития стереотипного представления об онлайн-коммуникации как о чем-то менее важном (или менее качественном), чем традиционная офлайн-коммуникация. Так, профессор А. В. Перцев отмечал: «Время на то, что в экзистенциализме называлось “подлинной коммуникацией”, сократилось до минимума» [2, с. 13]. Между тем, информационное общество требует переосмысления многих базовых понятий. Что представляет собой «подлинная коммуникация» в эпоху социальных сетей?

Современное общество, в силу особенности функционирования своих институтов, делает коммуникацию в определенном смысле обязательным процессом, вне зависимости от того, какова ее аксиологическая ценность для конкретного актора коммуникации. В этом смысле условное разделение коммуникации на подлинную и неподлинную видится вполне логичным, однако критерии выделения подлинности коммуникации следует переосмыслить в новом ключе.

В этом отношении существенной ошибкой было бы полагать, что подлинной является только оффлайн-коммуникация, в то время как коммуникация в информационном пространстве является имитативной. Для подтверждения этого рассмотрим два примера.

Человек едет в маршрутном такси в необходимое ему место и одновременно с этим переписывается со своим знакомым посредством мобильного телефона (мессенджер или социальная сеть — в данном случае не так важно). Ему одновременно открыто два пространства коммуникации: оффлайн и онлайн. Однако можем ли мы сказать, что в данном случае коммуникация в оффлайн-пространстве будет собой представлять «более настоящую», нежели та, которая в этот же момент происходит в цифровом пространстве? В оффлайн-пространстве он в этот момент окружен совершенно чужими людьми, не представляющими для него никакого интереса, с которыми он оказался одновременно в одном месте абсолютно случайно. Онлайн-коммуникация, которую в данный момент осуществляет человек, напротив, может быть наполнена целым спектром ценностно-значимых моментов и смыслов, так как осуществляется добровольно и целенаправленно. Кем бы ни был актер коммуникации, с которым человек в данный момент ведет переписку (другом, родственником, коллегой по работе и т.п.), этот коммуникативный акт не случаен и человек чувствует в нем определенную потребность. Таким образом, в данном примере приоритет онлайн-коммуникации над оффлайн-коммуникацией очевиден.

Для того чтобы дистанцироваться от эффекта «случайного попутчика», рассмотрим другой пример. Школьник или студент находится на занятии, которое он находит слишком скучным, а потому погружается в коммуникацию посредством все тех же мобильных устройств. Ему опять-таки открыто два пространства для коммуникации: оффлайн и онлайн. Обладает ли оффлайн-коммуникация для него в этот момент аксиологической ценностью? В теории, акт коммуникации, направленный на передачу знаний, должен представлять собой ценность для субъекта учебного процесса, однако обязательность и репрессивность этого коммуникативного акта делает его аксиологически менее значимым. Обучающийся находится на занятии не потому, что ему так хочется, а потому что его к этому обязывает его статус школьника или студента. Онлайн-коммуникация в данном случае, напротив, является абсолютно добровольной, где субъект волен общаться с тем, кто ему интересен. Таким образом, в данном конкретном случае мы опять-таки можем наблюдать очевидность того, что онлайн-коммуникация становится более подлинной, нежели оффлайн-коммуникация, и даже порождает конфликт между субъектами виртуальных и реальных процессов. Более того, молодое поколение в любую эпоху находило способ ухода от менее значимой коммуникации — с той лишь разницей, что до распространения цифровых технологий эти способы были иными — дворовые компании, рок-концерты и другие субкультурные социальные практики. В этом отношении цифровое пространство как средство побега от институционально принудительной коммуникации представляется, на первый взгляд, наиболее безопасным для индивида и общества.

Из вышеприведенных примеров можно сделать два основных вывода: во-первых, в цифровую эпоху нет никаких оснований полагать, что онлайн-коммуникация является менее подлинной, чем оффлайн-коммуникация; во-вторых, степень

подлинности коммуникации определяется факторами ее добровольности и аксиологической значимости, а не пространством, где она разворачивается. Впрочем, также ошибочным было бы полагать, что виртуальное общение всегда добровольно и значимо, — как отмечал В. В. Савчук, «насилия в медиасреде не больше, но и не меньше, чем в сообществах, формируемых голосом, письмом, статичными илидвигающимися визуальными образами» [3, с. 238].

Тем не менее нельзя, конечно, не отметить изменение самого понимания коммуникации в информационную эпоху. С одной стороны, в эру социальных сетей действительно расширяется круг общения. Вместо нескольких десятков друзей, с которыми человек мог познакомиться в оффлайн-пространстве, в социальных сетях у человека могут быть сотни и даже тысячи контактов. Количественный рост акторов коммуникации порождает различные стили общения — один стиль общения для тех людей, которых ты знаешь в оффлайн-пространстве, совсем другой — для тех, с кем ты знаком только по переписке. На сегодняшний день даже десятилетним детям известно, что незнакомцам из Интернета нельзя передавать свои персональные данные — домашний адрес, номер телефона, пароли. Количество субъектов коммуникации в данном случае не так важно — достаточно одного непроверенного незнакомца, чтобы произошла утечка персональных данных в сети.

Однако ситуация осложняется тем фактом, что даже тогда, когда мы вступаем в цифровую коммуникацию с хорошо знакомым нам по оффлайн-пространству человеком, мы не всегда можем быть уверены в том, что общаемся именно с ним. Взлом аккаунтов, хакерские атаки и даже банальное хищение гаджетов у близких нам лиц могут поставить наши персональные данные под угрозу. Переписка в социальных сетях и мессенджерах, если ее специально не удалять, хранится бессрочно, а это значит, что мы никогда не можем быть уверены в том, что когда-либо аккаунт кого-либо из наших знакомых не будет взломан и наши данные не попадут в руки злоумышленников. В некотором смысле именно по этой причине большую популярность приобрело специальное программное обеспечение — скрипты и утилиты, автоматически удаляющие сообщения через несколько дней или часов.

Поскольку цифровое пространство давно уже стало частью личного пространства человека, вторжение в него воспринимается как ничуть не менее (а иногда и более) опасное, чем вторжение, например, на территорию жилища. Количество информации, которое можно извлечь, заполучив смартфон человека, так велико, что его уже абсолютно некорректно сравнивать с чтением чужой переписки, которое и в прошлые века было моветоном. В гаджете может храниться не только информация, компрометирующая его владельца, но и номера банковских карт, электронные кошельки, пароли, коды, история перемещений, номера телефонов партнеров и родственников и другие важные данные. Уже сегодня это практически полный отпечаток социального образа человека, его цифровая ДНК. В этом смысле гаджеты, по сути, являются продолжением нас, частью телесности и сознания.

С другой стороны, очевидно, что качество коммуникации в сетевом пространстве резко отличается от качества оффлайн-коммуникации. Подписчики или «фолловеры» не являются полноценными агентами коммуникации в привычном понимании. Сетевое пространство дает возможность регистрировать «фейковые» (ложные и анонимные) аккаунты, заниматься «мультиводством» (использовать множественные аккаунты, создавая иллюзию множества действующих субъектов

сетевой коммуникации), выдавать себя за другого человека или вовсе деперсонифицировать страницу (редактировать аккаунт без использования личных данных таким образом, чтобы его нельзя было соотнести с конкретным человеком). Есть несколько факторов, которые радикально меняют качество коммуникации в сети и повышают уровень ее конфликтности:

1. Отсутствие физического взаимодействия с собеседником. Это позволяет субъекту быть, с одной стороны, более резким, но с другой — более открытым и искренним — вне зависимости от того, насколько он агрессивен, пользователю, на первый взгляд, ничего не угрожает. Кроме того, эта особенность, аннулируя некоторые правила оффлайн-этикета, смещает фокус коммуникации с социальных статусов субъектов на сам предмет коммуникации.
2. Нелинейность хронологии беседы. Это дает возможность собеседнику «взять паузу», избавиться от эмоциональной окраски коммуникативного акта, запастись фактическими доказательствами правоты своей точки зрения и лучше продумать личную позицию. Однако отсутствие устойчивых правил цифрового этикета нередко приводит к тому, что сообщения в социальных сетях или мессенджерах могут несколько дней или даже недель оставаться без ответа. Поскольку современный темп жизни требует быстрого принятия решений, такие задержки в коммуникации могут негативно сказаться на политической или экономической деятельности, а также на других процессах, протекающих в оффлайн-пространстве.
3. Деперсонификация аккаунта. Существует достаточно устойчивая группа пользователей, которая предпочитает общаться в сети только с теми, кто известен им по оффлайн-пространству. Вместе с тем, значительная часть интернет-пользователей, понимая сложность, а подчас и невозможность достоверной верификации личности собеседника, напротив, наслаждается анонимным общением.

Пожалуй, наибольший интерес в изучении интернет-коммуникации представляет собой то, как цифровое пространство сказывается на информационном метаболизме пользователей. Интернет дает скоростной доступ к любой информации, и, как следствие, в сетевом обществе теряется ценность эрудиции и начитанности, исчезает необходимость держать в памяти много информации — ведь практически любой ответ можно получить через поисковые системы за короткий период времени. Это породило в Интернете культуру «пруфов», или «пруфлинков» (от англ. «proof link» — подтверждающая ссылка), — всякое высказывание должно быть оперативно подтверждено ссылкой на авторитетный ресурс; возрастает ценность цитирования.

Сформировавшаяся «культура пруфов» предполагает, что собеседник не будет доверять вам просто так, пока вы не представите соответствующие доказательства. Возможность быстрого обмена в Интернете гиперссылками на необходимые источники делает процесс предоставления доказательств — «пруфов» — достаточно простым и оперативным. Именно поэтому требование «пруфов» является распространенным элементом в любой сетевой дискуссии, а формирующаяся цифровая этика обязывает опытного пользователя заранее предоставить «пруфлинки» по

всем дискуссионным аргументам, которые он собирается продемонстрировать оппоненту, что позволяет снизить конфликтогенность в диалоге собеседников.

Эта особенность затрагивает, главным образом, вопросы фактологического характера и является существенным достоинством онлайн-дискуссии по сравнению с дискуссиями в оффлайн-пространстве. В процессе физической беседы с человеком в режиме реального времени нам не приходится ожидать от оппонента, что он с точностью перечислит все источники, факты из которых он нам приводит. Именно поэтому дискуссии в физическом пространстве часто сводятся к риторическим оборотам, вроде «читал в одной книге, потом покажу». Специфика человеческого общения закономерно приводит к тому, что, за исключением самых скрупулезных собеседников, наш оппонент, скорее всего, в ближайшем времени забудет о дискуссии и не потребует от нас доказательств. Это, в свою очередь, может стать основанием для дискурсивных манипуляций, таких как ссылки на несуществующие источники или выдуманные факты, удобные для подтверждения своей позиции. Таким образом, в физическом пространстве вопрос лгать или не лгать определяется честностью собеседника или его страхом быть уличенным во лжи.

Культура коммуникации в онлайн-пространстве минимизирует подобные стратегии. Вне зависимости от того, насколько честным является субъект сам по себе, его слова не будут ничего значить до тех пор, пока он не приведет убедительные доказательства. В некоторой мере это цифровое принуждение к правде, построенное на принципе тотальной верифицируемости информации, которая возможна только в цифровом обществе.

Если говорить о проблемах цифровой этики, способной минимизировать конфликты, следует отметить, что в современном интернет-сообществе формируется целый ряд правил хорошего тона для интернет-пользователей. В обиход даже вошло новое слово «нетикет» (англ. net — «сеть» + фр. etiquette — «этикет») [4]. Этот процесс является естественным и ожидаемым по той причине, что высокая конфликтогенность интернет-коммуникации не способствует ее продуктивности. Среди ряда исследователей в области коммуникации была популярна идея о том, что допустимым в Интернете является то, что приемлемо в оффлайне. Сторонники этого подхода предлагали в ходе коммуникации пользоваться формулой: «А сказал бы я то же самое ему в лицо?» [5, р. 104]. Однако этот подход во многом неоправдан уже хотя бы потому, что цифровое пространство представляет собой особую среду, формирует новые социокультурные процессы [6, с. 53]. Для любого дискурсивного пространства справедливо, что правила коммуникации определяются и легитимируются участниками коммуникации. Как отмечал Ю. Хабермас, «та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [7, с. 104]. Все это означает, что этика коммуникации в сети должна быть другой, отличной от оффлайн-этики коммуникации. Но она должна быть.

На современном этапе еще рано говорить о том, что цифровая этика сформировалась, однако наиболее уважаемые сетевые сообщества все чаще призывают пользователей следовать определенным правилам, хотя и варьирующимся от сообщества к сообществу. Если говорить о базовых правилах коммуникации в сети Интернет, сюда следует отнести следующие:

1. Запрет на оскорбления оппонента. Под этим понимается как ненормативная лексика, от которой все больше сетевых сообществ сегодня старается избавиться, так и другие формы оскорбления. Исключение здесь составляют специализированные сайты, созданные для того, чтобы позволять людям «выпустить пар».
2. Запрет «перехода на личности». В наиболее жарких интернет-дискуссиях обсуждение и оскорбление личности оппонента длительное время являлись частым поворотом в спорах, который использовался тогда, когда все рациональные и фактические аргументы уже были исчерпаны, а участникам все равно хотелось отстоять свое мнение. Целью же интернет-дискуссии является аргументированное обсуждение темы без апелляции к личности. Это до определенной степени развивает логику этики дискурса К.-О. Апеля, утверждавшего, что «всякое серьезное размышление... является аргументацией, имеет форму аргументативной речи» [8, с. 41].
3. Запрет на «оффтоп» — намеренное уклонение от темы дискуссии.
4. Запрет на «флуд» — распространение информативно бесполезных сообщений. Данное правило возникло вследствие того, что для интернет-коммуникации до определенного момента было нормой выражать свои эмоции в тематических обсуждениях. Однако если мы имеем дело с ресурсом, где множество пользователей, засорение темы лишними комментариями затрудняет поиск информативного обсуждения, поэтому также считается правилом дурного тона.
5. Запрет на часто повторяющиеся вопросы. Для субъектов виртуального пространства допустимым является спрашивать у авторитетных пользователей интересующую информацию. Однако достаточно часто складывается ситуация, когда практически каждый пользователь на новом для себя ресурсе задает одни и те же вопросы. Чтобы избежать бесконечных повторов одной и той же информации, многие ресурсы прописывают раздел FAQ (frequently asked questions — часто задаваемые вопросы). С одной стороны, само создание подобного раздела является правилом хорошего тона для владельца ресурса, с другой стороны, для нового пользователя на каком-либо ресурсе обязательно предварительное ознакомление с соответствующим разделом.
6. Следование локальным правилам ресурсов. Как уже отмечалось выше, нетикет пока что не представляет собой единого свода правил, поэтому каждое конкретное сетевое сообщество формирует эти правила самостоятельно, прописывая их в соответствующем разделе. Подобные локальные запреты могут быть крайне разнообразными — от вполне логичных и общепринятых до связанных с политикой сайта. Например, на атеистическом ресурсе может быть запрещена любая религиозная пропаганда, или на феминистическом ресурсе — запрет за любое высказывание, осуждающее феминизм. Очень часто нарушение этих правил может приводить к жестким санкциям вплоть до блокировки пользователя.

Совершенно особой темой в отношении сетевой этики является проблема «троллинга» — намеренного выведения собеседника из зоны психологического комфорта с целью вызвать конфликт, при помощи провокационных сообщений и контента. На

многих ресурсах подобные стратегии запрещены, однако за несколько десятилетий в сетевом пространстве успела сложиться своеобразная культура троллинга. Это, в свою очередь, стало причиной разделения троллинга на «тонкий» (красивые, завуалированные интеллектуальные провокации) и «толстый» (открытые банальные провокации). Если второй вариант троллинга однозначно осуждается практически на всех ресурсах, то первый вариант приветствуется в некоторых сообществах.

Тем не менее, несмотря на постепенное формирование правил интернет-коммуникации, высокая фрагментированность сети не позволяет сформулировать единые нормы общения для всех. С одной стороны, это продиктовано тем, что стиль общения человека в виртуальной сфере (как, впрочем, и в офлайн-пространстве) позволяет ему установить дистанцию с собеседником. Это выражается через стилистические нормы общения, такие как обращение к собеседнику на «ты» или «вы», употребление в переписках эмоджи (схематических изображений и визуальных образов, передающих настроение). С другой стороны, стиль общения на каждом конкретном ресурсе задается спецификой этого ресурса. Желание создавать закрытую среду, где единомышленникам позволено чуть больше, чем посторонним, обязывает размещать «дисклеймеры» (англ. disclaimer — отказ от ответственности), информирующие о возможном неприемлемом содержании материала (нецензурная лексика, сцены насилия, материалы для совершеннолетних).

Еще одним фактором, понижающим конфликтность цифровой коммуникации, является критический подход к информации. Росту критического мышления в сети способствует и уже отмеченный феномен деперсонификации — кем бы ни был человек в офлайн-жизни, в Интернете его академический статус, как правило, не имеет большого значения. Впрочем, в последние годы в интернет-пространстве все активнее создаются собственные социальные иерархии. Яркий пример такого феномена — электронная энциклопедия Википедия, где у пользователей в зависимости от «заслуг» перед проектом есть различные редакторские преимущества. Примечательно, что в среде авторов Википедии уже заметили закономерность — ошибка, допущенная «заслуженным автором» будет исправляться гораздо дольше и по более сложному алгоритму, нежели ошибка, допущенная менее авторитетным субъектом программы. Это представляет собой прямую аналогию функционирования академической среды офлайн, где ошибочная теория может существовать очень долго только потому, что ее поддерживают заслуженные деятели науки. Все это хорошо демонстрирует тот факт, что стратификация и институализация в сетевом пространстве не только возможны, но и действуют по тому же принципу, что и в офлайн-пространстве, хотя и (пока что) независимо от него.

Переосмысление категорий истинности и доказательности неизбежно затрагивает и взаимоотношения субъектов образовательного пространства, порождая новые конфликты. Наиболее ярко это проявляется на примере высшей школы, где по мере развития цифровых технологий коммуникация студентов и преподавателей неизбежно выходит за рамки университетской аудитории. Преподаватели вынуждены поддерживать контакт со студентами по электронной почте и в социальных сетях, наиболее продвинутые субъекты развивают собственные сайты и видеоблоги, где обучающийся может ознакомиться с лекционным материалом в онлайн-режиме, что способствует созданию образовательной среды. Информационное взаимодействие с учеником не просто приветствуется, но становится насущной необходимостью [9].

Такой подход обладает определенной продуктивностью, однако в то же время выглядит основанием для попыток оптимизации системы классического образования: сокращения количества образовательных организаций и преподавателей, перевода образования в цифровой формат. При этом во внимание не берется тот факт, что онлайн-часть учебного процесса является компенсаторной, но никак не основной. Причин, по которым профессиональное образование не может быть полностью цифровизировано, достаточно много, однако с точки зрения аксиологического подхода наиболее важной является отсутствие возможности в полной мере передавать ситуационное поведение и профессиональную этику. Современное профессиональное образование уже столкнулось с этой проблемой. Как отмечает Елена Брызгалина, «современное образование апеллирует не только к относительности знания, но и к относительности ценностей. В зависимости от ситуации профессионал должен быть готовым поступить различным образом. Такое образование не дает учащимся ориентиров стабильности в их будущей профессиональной деятельности. Отсутствие же таковых оказывается сопряженным с отсутствием системы ценностей в моральной сфере, что не может не сказаться на поведении человека в обыденных ситуациях» [10, с. 12]. Для того чтобы понимать основы профессиональной этики, студент должен видеть своего преподавателя как профессионала в действии. Этот опыт невозможно передать без живого личного взаимодействия.

В образовательном пространстве в целом для минимизации цифровой конфликтогенности необходимо грамотно прорабатывать виртуальное взаимодействие участников образовательного процесса. Как отмечает С. Х. Асадуллина, «для того чтобы избежать появления виртуального конфликта в обучении, необходимо выстроить обучение таким образом, чтобы технологии обучения соответствовали тем реальностям учащихся, которые по возрастным нормам должны быть сформированы» [11, с. 142].

Особо ярко сказывается влияние внедрения технологий на гуманитарном образовании. Те отрасли науки, которые предполагают работу с большими объемами текста, претерпевают закономерные изменения, продиктованные трансформацией методики работы с текстом. В то время как работа с рукописным материалом предполагает достаточно длительный процесс, многократное переписывание до чистового варианта, возможность «шлифовки» текста на различных этапах его подготовки; создание текста посредством компьютерных технологий хотя и оставляет возможность для многократного редактирования, делает его чрезвычайно удобным, а потому снижает необходимость глубокой переработки. Как отмечает профессор В. В. Миронов, «благодаря технологиям увеличивается скорость создания текста, но часто страдают его форма и качество. Это особенно заметно ныне в образовательном процессе, когда сам процесс отшлифовки формы и содержания текста учащимися отступает на второй план, и преподаватели получают работы с ошибками, опечатками, заимствованиями и т. д.» [12, с. 8].

Вышеуказанные трансформации в образовании усугубляются и фактором падения уважения к статусу преподавателя из-за роста с 2010 г. внутренних конфликтов на почве поиска плагиата и некорректных заимствований. Как уже отмечалось выше, цифровое общество подвергает ревизии устоявшиеся социальные иерархии, заменяя их новыми. Тотальная верифицируемость и неуничтожимость информации в сетевом пространстве приводят к тому, что научные степени и звания утра-

чивают авторитет. Появление технических возможностей более точно и быстро проверять текст на наличие заимствований дало старт целой интернет-кампании по выявлению плагиата в диссертациях (сетевой проект «Диссернет»), результаты которой дискредитировали часть научной общественности и породили ряд социальных конфликтов.

Случаи некорректных заимствований в исследованиях имели место и в прошлые века, однако не вызывали такого общественного резонанса по причине отсутствия технических возможностей целостной проверки научных изысканий. Уличить диссертанта в плагиате мог разве что оппонент, который был профильным специалистом в выбранной отрасли науки и знал необходимое множество публикаций на эту тему.

Цифровизация научной деятельности в отношении недобросовестных учебных работала одновременно в двух направлениях: с одной стороны, сам процесс заимствования текста существенного упростился — если ранее необходимо было собственноручно переписать текст из источника, то с развитием информационных технологий достаточно нескольких нажатий клавиш. Однако с другой стороны, появились и технологические инструменты, позволяющие выявлять наличие некорректных заимствований. Этим факторам сегодня мы обязаны столь бурной дискуссии вокруг плагиата в научных работах.

Именно поэтому проверка на плагиат — это естественное требование времени, позволяющее снизить конфликтность между субъектами научной деятельности. Однако следует учитывать и то, что негативная информация о состоянии ученого сообщества подрывает престиж и статус научной деятельности в глазах молодых людей, заставляя их либо отказаться от идеи заниматься наукой, либо пойти по тому же пути имитации научной деятельности. Несмотря на то что далеко не все авторы диссертаций с плагиатом были лишены степени, информация о наличии некорректных заимствований находится в Интернете в свободном доступе и может использоваться в качестве компрометирующего основания для социальных и политических манипуляций. Учитывая тот факт, что проверки, проводимые «Диссернетом», являлись выборочными, а не тотальными, в сознании студента всегда может зародиться вопрос о том, насколько честно получили степени его преподаватели, что закономерно подрывает доверие к научным степеням вообще.

Однако если сложившаяся система иерархии в научном сообществе подвергается редукции со стороны информационного общества, то что может быть предложено взамен? Несмотря на наличие сформированной «культуры пруфов» (цитирования источников), верификация содержания интернет-страниц все также представляет собой сложную задачу. В ситуации, где нет стабильных научных ориентиров, наиболее правильной информацией выглядит та, которая чаще встречается, или та, которая размещена на наиболее посещаемых ресурсах. В этом смысле современное цифровое пространство, образно говоря, представляет собой античную Агору, где прав тот, кто громче кричит. Однако если в Древней Греции каждый мог кричать на Агоре только своим голосом, то в условиях современности неизбежное преимущество имеет тот, кто лучше пишет ботоскрипты и умело накручивает лайки, создавая тем самым иллюзию массовости и повышая доверие пользователей.

Все это говорит о том, что научной и образовательной культуре в информационном пространстве еще только предстоит сложиться, и на каких основаниях это

произойдет, во многом зависит от того, какое участие в этом процессе примут состоявшиеся члены научного сообщества. Однако одновременно очевиден и кризис оффлайн-институтов, которым в ближайшем будущем абсолютно очевидно придется отвечать вызовам цифровой эпохи.

Литература

1. Ладлоу П. Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии. М.: Ультра. Культура, 2005. 600 с.
2. Перцев А. В. Искусство и практическая философия у М. Хайдеггера // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27–28 сентября 2018 г.) / под науч. ред. Л. В. Баевой и К. А. Маркелова. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 13–18.
3. Савчук В. В. Новые медиа — новые формы насилия // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика: коллективная монография / ред. К. Вульф, В. В. Савчук. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 223–236.
4. Малькова Е. Ю. Принципы виртуальной этики // Религия и нравственность в секулярном мире: материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 ноября 2001 г.). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 112–115.
5. Shea V. Netiquette. San Francisco: Albion Books, 1994. 154 p.
6. Иванов В. Е. Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. 2000. № 2. С. 52–56.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Питер, 2000. 380 с.
8. Апель К. О. Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали. М.: Логос, 2009. 430 с.
9. Ямищикова Е. Г. Проблема формирования сетевого этикета и профессионально-этических качеств педагогов в информационной среде // Воспитание, социализация и развитие личности. Человек и образование. 2017. № 1 (50). С. 54–58.
10. Брызгалова Е. Философия образования в контексте традиций и инноваций // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 4 / отв. ред. М. С. Киселева. М.: ИФРАН, 2010. С. 3–18.
11. Асадуллина С. Х. Теория и практика разрешения виртуального конфликта: Практико-ориентированная монография. СПб.: Нестор, 2009. 327 с.
12. Мионов В. В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 1. С. 4–24.

Статья поступила в редакцию 2 декабря 2018 г.,
рекомендована в печать 13 июня 2019 г.

Контактная информация:

Орлов Михаил Олегович — д-р филос. наук, доц.; orok-saratov@mail.ru

The conflict potential of social communication in the digital age

M. O. Orlov

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
83, Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russian Federation

For citation: Orlov M. O. The conflict potential of social communication in the digital age. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 3, pp. 485–496. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.308> (In Russian)

The article deals with the problem of communication culture transformation in the modern information space. Modern achievements in information technology are increasingly moving the communication process into the information space, which naturally leaves certain imprints

on its character. In this article, the authors attempt to analyze communication features in the digital space, to identify the conflict potential of Internet communication, to describe network communication culture and to propose solutions that will help to reduce the conflict potential of Internet communication in general, and resolve emerging network conflicts. Further, the author states that digital society is not only the result of technological progress, but also the result of the changing human experience. The subject of a socio-philosophical analysis is online communication, which is a ground for the formation of a complex digital society. A person becomes a subject of digital society by mastering computer technology and communication capabilities. The digital age is characterized by multidimensional connections and ambivalence of relations: on the one hand, communicative freedoms are revealed to a person; on the other hand, new forms of dependence, risks and conflicts arise. Factors that radically change the quality of network communication and increase its level of conflict are identified. Thanks to virtual reality, a person acquires new identities, characteristics and parameters of personal being. It is established that social networks generate new forms of communicative practices. The development of digital ethics is considered, and basic rules of Internet communication are formulated. The prospects of philosophical reflection in the face of new technological capabilities are determined. The article draws our attention to the emergence of new educational strategies and the rethinking of the scientific process in the digital communications age.

Keywords: Internet, digital age, social networks, communication, online, offline.

References

1. Ladlou, P. (2005), *Cryptoanarchy, kyberstate and piratical utopias*, Ul'tra. Kul'tura Publ., Moscow, 600 p. (In Russian)
2. Percev, A.V. (2018), Art and practical philosophy by M.Heidegger, in *Prakticheskaiia filosofii: ot klassiki do informatsionnogo sotsiuma: Sbornik materialov Vserossiskoi konferentsii (Astrakhan', Astrakhan-skii gosudarstvennyi universitet, 27–28 sentiabria 2018 g.)*, scientific. ed. by Baeva, L. V. and Markelov, K. A., Sorokin Roman Vasil'evic Publ., Astrakhan, pp. 13–18. (In Russian)
3. Savchuk, V.V. (2013), New media are new forms of violence, in Vul'f, K. and Savchuk, V.V. (eds), *Neopredelenost' kak vyzov. Media. Antropologiiia. Estetika: kollektivnaia monografiia*, RHGA Publ., St. Petersburg, pp. 223–236. (In Russian)
4. Mal'kova, E. Yu. (2001), Principles of virtual ethics, *Religiya i npravstvennost v sekulyarnom mire: materialy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–30 noyabrya 2001 g.)*, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., St. Petersburg, pp. 112–115. (In Russian)
5. Shea, V. (1994), *Netiquette*, Albion Books, San Francisco, 154 p.
6. Ivanov, V.E. (2000), Internet in the formation of Dialogic space in the socio-cultural environment, *Mir psihologii*, no. 2, pp. 52–56. (In Russian)
7. Habermas, J. (2000), *Moral consciousness and communicative action*, Piter Publ., St. Petersburg, 380p. (In Russian)
8. Apel', K. O. (2009), *Discourse and responsibility: problem of transition to post-conventional morals*, Logos Publ., Moscow, 430 p. (In Russian)
9. Iamshchikova, E.G. (2017), The problem of formation of network etiquette and professional and ethical qualities of teachers in the information environment, *Vospitanie, sotsializatsiia i razvitie lichnosti. Chelovek i obrazovanie*, vol. 50, no. 1, pp. 54–58. (In Russian)
10. Bryzgalina, E. (2010), Philosophy of education in the context of tradition and innovation, *Chelovek vchera i segodnia: mezhdistsiplinarnye issledovaniia*, is. 4, pp. 3–18. (In Russian)
11. Asadullina, S.H. (2009), *Theory and practice of permission of the virtual conflict: Practice-oriented monograph*, Nestor Publ., St. Petersburg, 327 p. (In Russian)
12. Mironov, V.V. (2019), Plato and the modern cave big-data, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 35. no. 1, pp. 4–24. (In Russian)

Received: December 2, 2018

Accepted: June 13, 2019

Author's information:

Michail O. Orlov — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor; orok-saratov@mail.ru